

14. Мы читали въ цензурномъ комитетѣ объясненіе цензоровъ Корсакова и Фрейганга на жалобу Вибикова. Оно написано довольно дѣльно. Я предложилъ легкія измѣненія, которыя и были приняты. Цензоръ опирается на то, что «Библіотека для Чтенія» изъявила только свое ученое мнѣніе относительно малороссійскаго народа—мнѣніе, въ которомъ всякій воленъ. Что же касается общаго направленія журнала, будто бы мирволичающаго польскимъ идеямъ—это совершенно несправедливо: въ немъ, напротивъ, можно указать много мѣстъ, гдѣ Польша сильно порицается. Но главную свою защиту цензоръ построили на слѣдующей основной мысли «Библіотеки для Чтенія»: Малороссія никогда не составляла отдѣльнаго политическаго общества, дѣлала много глупостей и зла соудьямъ и что все это кончилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ она соединилась съ Россіей.

Былъ у графа Клейнмихеля, который приглашаетъ меня занять кафедру словесности въ корпусѣ путей сообщенія.

20. Жалоба Вибикова, наконецъ, дошла до государя. Онъ прекрасно рѣшилъ это дѣло:

«Если въ статьяхъ «Библіотеки для Чтенія» заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературнымъ образомъ, только безъ брани».

Февраль. 5. Вчера въ университетѣ происходилъ выборъ въ ординарные профессора на вакансію, которая открылась съ увольненіемъ Шульгина. Кандидатовъ было нѣсколько, въ томъ числѣ и я. На мою долю выпало всего шесть бѣлыхъ шаровъ—очень мало. Всѣ прочіе были мнѣ предпочтены. Профессоръ Фишеръ мнѣ сказалъ:

— Вамъ оказали вопіющую несправедливость,—но такъ должно быть. Кто имѣетъ несчастную репутацію человѣка съ дарованіями, тому посредственность никогда не отдастъ должнаго.

Я на это отвѣчалъ:

— Товарищи мои въ правѣ выказать мнѣ свое недоброжелательство и я имѣю право немедленно забыть это.

Развѣ я когда-нибудь полагалъ иначе, что могу и долженъ опираться не на одинъ только свой трудъ? Итакъ, работать, работать.

8. Празднованіе въ университетѣ двадцатипятилѣтія его существованія. Митрополитъ служилъ обѣдно и молебенъ. Въ залѣ невыносимый шумъ. Ректоръ три часа и восемнадцать минутъ читалъ исторію университета. Тоска и холодъ всѣхъ одолѣли. Никогда еще, кажется, университетскій актъ не былъ неудачнѣе. О дѣятельности университета за истекшіе двадцать пять лѣтъ не сказано ничего существеннаго, а, можетъ быть, не могло быть сказано.

10. Экзаменъ екатерининскимъ институтамъ въ Аничковскомъ дворѣ. Это мой послѣдній экзаменъ. Былъ весь дворъ, кромѣ Маріи Николаевны и Александры Николаевны. Государь два раза входилъ въ залу—разъ въ половинѣ экзамена, другой—въ концѣ. Въ моемъ предметѣ, какъ всегда водится, однѣ отвѣчали плохо, другія хорошо и немногія превосходно. Чуть-ли не главное сосюгло въ произнесеніи стиховъ. Государь читалъ стихи, которыя изъ сочиненій, писанныхъ тутъ же на доскахъ. Всѣ остальные свободны. Послѣ завтрака государыня столкнулась со мной у двери, гдѣ